

Остроумов Николай Иванович

**Катасоно-Феодоровцы, новая
фракция хлыстовской секты
"Новый Израиль"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Иванович О.**
Катасоно-Феодоровцы, новая фракция хлыстовской секты "Новый Израиль" / Остроумов
Николай Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 111 с.

ISBN 978-5-521-26819-1

ISBN 978-5-521-26819-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„Катасоно-Θеодоровцы“,

новая фракція хлыстовской секты „Новый Израиль“,—по ихъ новооткрытымъ духовнымъ пѣснямъ.

I.

Краткія свѣдѣнія о сектѣ.

Секта „Новый Израиль“, представляющая собою одну изъ новѣйшихъ отраслей или фракцій хлыстовства, мало изучена въ настоящее время, какъ вообще мало изучено у насъ такъ назыв. тайное мистическое сектантство. Вопросъ о „Новомъ Израилѣ“ въ настоящее время возбуждаетъ большой интересъ и въ обществѣ и въ печати: его обсуждаетъ пресса не только духовная и спеціально-миссіонерская, но и свѣтская, причемъ высказываются объ этой сектѣ далеко не всегда согласныя между собою мнѣнія. Не говоря уже о свѣтскихъ писателяхъ и изслѣдователяхъ въ области сектантства, которые всячески стараются защищать и обѣлять всякое сектантство вообще и мистическое въ частности, нѣкоторые представители даже православной миссіи высказываютъ въ печати сомнѣніе въ хлыстовскомъ характерѣ секты „Новый Израиль“, стараясь болѣе приблизить эту послѣднюю къ сектѣ духоборцевъ и предлагая назвать ее „ново-духоборцами“ (См. „Ревнитель“ 1912 г., № 6—7, стр. 33—36).

Имѣя это въ виду, мы намѣрены посвятить вопросу о „Новомъ Израилѣ“ спеціальное изслѣдованіе. А пока считаемъ долгомъ предложить вниманію читателей рядъ имѣющихся у насъ духовныхъ

пѣснопѣній и стиховъ послѣдователей означенной секты. Эти стихи и пѣснопѣнія, всѣ рукописные, представляютъ собою два сборника, заключающіе въ себѣ до 140 МЖ. Сборники эти носятъ особня заглавія. Одинъ озаглавливается: „Любимые стихи молодого пилигрима“, другой (болѣе полный и важный): „Божественныя пѣсни во имя Господа Нашего Іисуса Хр., писанныя во дни Помазанника Божія и страдальца Ф. К.“. Стихи и пѣсни эти, тѣсно связанные между собою по содержанію и составленные, можно думать, однимъ лицомъ, выставляють въ качествѣ вождя и христа „Новаго Израиля“ въ настоящій ХХ вѣкъ нѣкоего Θεодора, называемаго кратко „Ф.“ или „Ф. К.“, который, судя по имѣющейся у насъ переписки его послѣдователей, называется Θεодоромъ Кирилловичемъ и является непосредственнымъ преемникомъ хлыстовскаго лжехриста Парентія Катасонова, стремящимся сьорганизовать послѣ его смерти „разсѣявшійся израильскій народъ во едино братство“, „во едину церковь“, вопреки другимъ вождямъ и особенно извѣстному Лубкову, вражда къ которому сказалась у Θεодора Кирилловича еще въ Закавказьѣ изъ за того, кому изъ нихъ быть христомъ и вождемъ Израиля (т. е. хлыстовщины). Объ этомъ проф. Голубевъ на основаніи автобіографіи Лубкова говоритъ такъ: „Въ Закавказьѣ, гдѣ водворенъ былъ Лубковъ, находилось много сектантовъ разныхъ наименованій. Были и хлысты. Послѣ безпріютныхъ скитаній по разнымъ мѣстамъ, Лубковъ поселился въ одномъ хлыстовскомъ домѣ, будучи принятъ радушно, какъ свой человѣкъ. Но пребываніе его здѣсь было непродолжительно. Хозяинъ дома, нѣкто Θεодоръ Кирилловичъ, оказался тоже *христомъ*. Понятно, что два христа въ одной берлогѣ не могли ужиться. Лубковъ возмущился тѣмъ, что его хозяинъ вообразилъ себя „христомъ“. Разумѣется, настоящимъ христомъ Лубковъ считалъ себя. Препирательства между хлыстами закончились обоюдною потасовкою („тутъ началась война у насъ“), и Лубковъ „пошелъ на улицу“ (См. „Церк. Вѣд.“ 1912 г., № 38, стр. 1578).

Что Θεодоръ Кирилловичъ считается непосредственнымъ преемникомъ лжехриста Парентія Катасонова и какъ бы обновителемъ и

возстановителемъ раздѣлившагося послѣ его смерти „Израиля“, увидимъ изъ вышеназванныхъ стиховъ и пѣсней, которые будутъ печататься нами полностію. А пока приведемъ здѣсь въ подтвержденіе высказанныхъ нами мыслей лишь нѣсколько выдержекъ изъ такъ наз. „божеств. пѣсней“.

Въ одной, напр., пѣснѣ говорится:

„Исаакъ-ли отошелъ,

Богъ Іакова нашелъ.

Вечеръ—солнышка не стало,

Утромъ ново выкатало.

Та же самая теплота

Полилася къ намъ она.

Какъ *Парфентій* отошелъ,

Богъ въ *Теодоръ* пришелъ“. („Божеств. пѣсни“... № 96).

Въ другой пѣснѣ о Теодорѣ говорится такъ:

„Во *двадцатый* святой вѣкъ

Явился *Богъ человекъ*.

Христосъ во плоти явился,

Вѣрнымъ въ *Духъ* онъ открылся“. (ibid. № 46).

Теодоръ Кирилловичъ, названный „христомъ“, вызываетъ въ пѣснѣ къ своимъ послѣдователямъ, „дѣтямъ Израиля“:

„Веселися, мой *Израиль*,

Вновь воскресшій отъ меня:

До тебя любовь достигла,

Радость Божія моя“. (ibid. № 39).

Въ стихахъ „церковь“ Теодора Кирилловича называется „юнымъ домикомъ Израиля“:

„О, братишки сердечные, чистыя голубицы сестрицы,

Возликуемъ и возрадуемся,

Лобзаніемъ *батюшки* поздравляемся,

Наступилъ нашъ праздникъ великій,

Славный и радостный,

На весь юный домикъ Израилевъ“. („Любимые стихи“... № 4).

Указывая на появленіе новаго лжехриста и вождя у „Новаго Израиля“, стихи и пѣсни, которые предлагаются нами вниманію читателей, раскрываютъ довольно полно и міросозерцаніе вышеназванной фракціи „Новаго Израиля“, ея вѣроученіе, культъ, организацію секты, отношеніе послѣдователей ея къ Православной Церкви, ея ученію, таинствамъ, богослуженію, обрядамъ, къ гражданской власти и духовенству, къ почитанію иконъ и пр. Хотя смыслъ и содержаніе „пѣсней“ и „стиховъ“ прикрываются аллегоріями и метафорами, въ цѣляхъ скрыть отъ непосвященныхъ секретъ секты, ея цѣли и задачи, но знакомому съ характеромъ и особенностями выражений „новоизраильскихъ пѣсней“ не трудно видѣть весь ихъ истинный смыслъ. Поэтому, печатая эти стихи и пѣсни, мы постараемся сдѣлать возможныя поясненія и примѣчанія въ малопонятнымъ и загадочнымъ мѣстамъ ихъ. Сначала мы помѣстимъ „Любимые стихи молодого пилигрима“, а затѣмъ—„Божественныя пѣсни“...

Насколько эти „пѣсни“ и „стихи“ въ научномъ отношеніи цѣнны, читатель увидитъ изъ самаго содержанія ихъ и тѣхъ поясненій и примѣчаній, которыя нами даны будутъ къ этимъ произведеніямъ духовной поэзіи сектантовъ. Здѣсь же мы считаемъ долгомъ предварительно сказать еще нѣсколько словъ какъ вообще о духовныхъ пѣснопѣніяхъ сектантовъ, тоже въ частности и о выше названныхъ, имѣющихъ печататься нами.

Духовныя пѣснопѣнія сектантовъ вообще представляютъ весьма цѣнный матеріалъ въ дѣлѣ изученія міровоззрѣнія сектантовъ, ихъ стремленій, цѣлей и задачъ, внутреннего устройства ихъ общинъ, жизни и дѣятельности заправиль и членовъ общинъ и пр. Значеніе въ научномъ отношеніи духовныхъ пѣснопѣній сектантовъ весьма ярко выражаетъ прот. Сум. Никольскій, извѣстный изслѣдователь секты „Новый Израиль.“ „Нужно-ли говорить,—пишетъ онъ,—насколько важный, научный интересъ представляютъ собою духовныя пѣснопѣнія сектантовъ. Въ пѣсняхъ выливается сердце человѣка. Она указываетъ: чѣмъ живетъ человѣкъ, на что надѣется, о чемъ вздыхаетъ...

Служа отраженіемъ религіозныхъ думъ, надеждъ и чаяній, духовныя пѣсни сектантовъ иногда *яснѣе всякихъ изслѣдованій* раскрываютъ намъ сектантское міросозерцаніе, обрисовываютъ религіозный идеалъ сектантовъ. Отвлеченныя положенія вѣры и нравоучительныя истины раскрываются въ нихъ въ живой формѣ, иллюстрируются въ образахъ, подобіяхъ, поэтическихъ символахъ. Понятно, поэтому, насколько важно появленіе въ печати *всякаго новаго матеріала* изъ области духовной поэзіи сектантовъ вообще, въ особенности же тайныхъ сектантовъ—мистиковъ, вѣроученіе которыхъ до сихъ поръ еще не поддавалось вполне точной формулировкѣ и систематизаціи“ (См. „Новый Израиль“, ч. 1-я, изд. 1907, стр. 296-297.).

Что же касается теперь предлагаемыхъ нами вниманію читателей „стиховъ“ и „пѣсней“, принадлежащихъ послѣдователямъ новой фракціи хлыстовской секты „Новый Израиль“, названной нами „*Катасоно—Теодоровцы*“, то нужно сказать, что эти „стихи“ и „пѣсни“ имѣютъ весьма важное научное значеніе. Выдвигая, какъ мы уже сказали, новое лицо въ качествѣ лжехриста и вождя въ настоящемъ 20-мъ вѣкѣ у „Новаго Израиля“ нѣкоего Теодора Кирилловича, непосредственнаго преемника хлыстовскаго лжехриста Парфентія Катасонова, эти произведенія раскрываютъ весьма полно и все міросозерцаніе и организацію вышеназванной фракціи „Новаго Израиля.“ И что важно, эти произведенія даютъ *новый матеріалъ*, доселѣ еще неизвѣстный въ наукѣ, самобытно составленный представителями секты и незаимствованный отъ другихъ сектантовъ. Это видно какъ изъ сравненія вышеназванныхъ пѣсней съ другими существующими пѣсно-пѣніями у сектантовъ, такъ и изъ заявленія самого автора пѣсней, нѣкоего „Гриши“ (вѣроятно „Григорій Кавказскій“), апостола лжехриста Теодора Кирилловича, свидѣтеля его жизни и разнаго рода злоключеній во время ссылки на Кавказъ,—заявленія, которое онъ дѣлаетъ въ послѣдней пѣснѣ подъ заглавіемъ „пѣснь пѣсней.“ Вотъ характерныя слова этой пѣсни:

„Духъ Господній въ сердцѣ бьется,

Любовь Батюшки къ намъ льется.

Умиляется нашъ Владыка,

Его милость къ намъ велика:
Къ намъ премудрость посылаетъ,
Въ тайнѣ сердце научаетъ—
Кому слово, кому пѣть,
Кому въ Богѣ порадовѣть.
А мнѣ милостивъ Господь
Далъ чернилы и перо
И сказалъ: Гриша *пиши*,
Во мнѣ мудрость ты ищи,—
Что ты видѣлъ *не скрывай*,
На меня самъ уповай,
Не уклонно ты трудись
Въ тайнѣ Господу молись.“
„И строки эти я пишу,—говорится далѣе,—
Въ пѣсняхъ радость я ищу
И любовію парю.
А придетъ время
Предъ лицомъ родителей запою.
И возлюбленнымъ братьямъ и сестрамъ
Шлю мое *руководствіе* на утѣшеніе;
Чужого ничего вѣтъ, все *наше*:
Пѣйте и пейте, что Господь послалъ.
Конецъ 1-ой части. Господь дастъ 2-ю.“

Что это за „руководствіе“, какіе это духовныя пѣсни и стихи послѣдователей Θεодора Кирилловича, каковы ихъ содержаніе, смыслъ и значеніе, читатель увидитъ ниже.

Н. Остроумовъ.

II.

ЛЮБИМЫЕ СТИХИ
МОЛОДОГО ПИЛИГРИМА.

№ 1-й.

Однажды, странствуя среди долины дикой,
Внезапно былъ объять я скорбію великой
И тяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
Какъ тотъ, кто на судѣ въ убійствѣ уличенъ
Потупя голову, въ тоскѣ ломая руки,
Я въ вопляхъ изливалъ души пронзенной муки,
Что дѣлать буду я, что станетъ со мною.
И такъ я, сѣтуя, въ свой домъ пришелъ обратно,
Уныніе мое всѣмъ было непонятно.
При дѣтяхъ и женѣ сначала я былъ тихъ,
И мысли мрачныя хотѣлъ таить о нихъ;
Но скорбь часъ отъ часу меня стѣсняла болѣ—
И сердце, наконецъ, открылъ я поневолѣ.
О, горе, горе намъ! Вы, дѣти, ты жена,
Сказалъ я, вѣдайте: моя душа полна
Тоской и ужасомъ; мучительное бремя
Тягчить меня. Идетъ... Ужъ близко, близко время.
Нашъ городъ пламени и вѣтрамъ обреченъ;
Онъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ—
И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
Обрѣсть убѣжище — а гдѣ? О, горе, горе!

Мои домашніе въ смущеніе пришли
И здравый умъ во маѣ разстроены ѣ почли.
Но думали, что ночь и сна покой цѣлебный
Отходить ¹⁾ во мнѣ болѣзни жаръ враждебный.
Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и вздыхалъ,
И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ.
Полтру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе,
Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я то-же,
Что прежде, говорилъ... Тутъ ближніе мои,
Не довѣряя мнѣ, за должное почли
Прибѣгнуть къ строгости. Они съ ожесточеньемъ
Меня на правый путь и бранью и презрѣньемъ
Старались обратить. Но я, не внемля имъ,
Все плакалъ и вздыхалъ, уныніемъ тѣснимъ.
И наконецъ они отъ крика утомились,
И отъ меня, махнувъ рукою, отступились
Какъ отъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачь
Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ.
Пошелъ я вновь бродить,—уныньемъ изнывая,
И взоры вокругъ себя со страхомъ обращая,
Какъ рабъ, замыслившій отчаянный побѣгъ,
Иль путникъ, до дождя спѣшащій на ночлегъ.
Бессонный труженикъ, влача свою веригу,
Я встрѣтилъ юношу, читающаго книгу.
Онъ тихо поднялъ взоръ и спросилъ меня,
О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я.
И я въ отвѣтъ ему: „познай мой жребій злобный;
Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ загробный
И вотъ о чемъ крушусь; къ суду я не готовъ,
И смерть меня страшитъ“. — „Коль жребій твой таковъ,—
Онъ возразилъ, и ты такъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
Чего жъ ты ждешь, зачѣмъ не убѣжишь отсель?“

¹⁾ Въ смыслѣ: „прогонять“. *Прим. Изд.*

И я: „куда жъ бѣжать? *Какой мнѣ vybratъ путь?*“

Тогда: „Не видитъ ли твой взоръ чего нибудь“,—

Сказалъ мнѣ юноша, вдаль указуя перстомъ.

Я окомъ сталъ смотрѣть болѣзненно отверстымъ,

Какъ отъ бѣлыма врачемъ избавленный слѣпецъ;

Я вижу нѣкій свѣтъ,—сказалъ я наконецъ.

„Иди жъ—онъ продолжалъ: *держись сего ты свѣта*;

Пусть будетъ онъ тебѣ *единственная мѣста*,

Доколѣ оныхъ вратъ еще ты не достигъ

Ступай.“ И я бѣжать пустился въ тотъ же мигъ.

Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ тревогу:

И дѣти, и жена кричали мнѣ съ порогу,

Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ

На площадь привлекли пріятелей моихъ.

Одинъ бранилъ меня, другой моею суиругъ

Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ;

Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,

Кто силой воротить сосѣдямъ предлагалъ;

Иные ужъ за мной гнались;—но я тѣмъ болѣ

Спѣшилъ перебѣжать городское поле,

Дабы скорѣй войти, оставя тѣ мѣста,

Спасенія путемъ въ таинственны врата ²⁾).

2) Означенный (№ 1-й) стихъ, по своему содержанію, представляетъ не малый интересъ не только въ смыслѣ психологическомъ (указывая на религіозныя переживанія и исканія сектанта), но и чисто историческомъ, бытовомъ. Последнее уяснится, если сопоставимъ означенный стихъ съ другими „любимыми стихами молодого пилигрима“, печатаемыми ниже, а также особенно съ такъ наз. „божественными пѣснями“..., Эти произведенія, съ которыми стихъ № 1-й стоитъ въ тѣсной связи, уясняютъ настоящій смыслъ, основную идею стиха № 1-й, раскрываютъ его аллегоріи и образы. Во всѣхъ „любимыхъ стихахъ“ и „божественныхъ пѣсняхъ“ проводится отъ начала и до конца одна основная мысль—что „вождемъ“ и „истиннымъ Христомъ“ у „Новаго Израиля“ въ настоящій 20-й вѣкъ является нѣкто Θεодоръ К. (т.е.

№ 2-й.

Странничекъ кавказецъ.

Странничекъ безродный,
Калѣка и нагъ и слѣпой,
По Кавказу *четыренадцать* лѣтъ скитался,

Кирилловичъ), непосредственный преемникъ великаго вождя всего Израиля Пареевтія (Катасонова), стремящійся собрать „во едину перковъ“ подѣлившійся въ себѣ и „разсѣявшійся“ послѣ смерти Парфентія „израильскій народъ.“—Въ „стихѣ“ № 1-й подъ образомъ „нашего города“, которому грозитъ разрушеніе, и подъ образомъ блгущаго изъ этого города и странствующаго среди „долины“, съ цѣлію отысканія себѣ спасительнаго пути, человѣка, и дѣлается указаніе на это распаденіе „Израиля“ (т.е. хлыстовщины), на его подѣленіе между разными вождями; на его блужданіе, какъ бы во тьмѣ, и на его стремленіе найти себѣ „убѣжище“, „свѣтъ“, „путь спасенія“. Все это вѣрные дѣти „Израиля“ находятъ въ лицѣ упомянутаго Теодора Кирилловича. Прикровенно это выражается въ стихѣ № 1-й слѣдующими словами: „я вижу нѣкій *свѣтъ*“ (слова странника); „иди-жъ: держись *сею* ты *свѣта*; пусть будетъ онъ тебѣ *единственная* мѣта“ (слова встрѣтившагося страннику юноши); „дабы скорѣй войти... *спасенія путемъ* въ таинственны врата.“ Подобныя выраженія часто встрѣчаются и въ другихъ „любимыхъ стихахъ“ (напр: „О, поспѣшимъ, друзья мои, поспѣшимъ, пока *вратушки* открыты... прійдите, чадушка, ко мнѣ, войдите въ чертожекъ радости“—ст. № 8-й. „О, дражайшій нашъ батюшка, ты явился намъ свѣтичекъ, *свѣтичекъ немеріающій*, всѣ тропиночки освѣщающій и дѣточекъ на путь святой наставляя—ст. № 4-й.), причемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ начинается уже появляться имя Теодора на ряду съ именемъ Пареевтія, хотя тоже еще прикровенно, подъ инициалами: „Θ.“ и „Π.“ (напр., всѣ они, вѣрные, Отца великаго (Π) прославляютъ и сына Его (Θ) величаютъ“—ст. № 9; или: „во двадцатомъ вѣкѣ, во Иверской странѣ, при Премудромъ Правителѣ,—Учителѣ—Отцѣ (Θ)“—ст. № 11). Совершенно же ясное указаніе на личность Теодора Кирилловича, какъ вождя и „христа“ „Новаго Израиля“ находимъ въ „Божественныхъ пѣсняхъ“, гдѣ Θ. К. называется „свѣтомъ кормильцемъ“, „солнцемъ съ востока“, „Сіономъ“ и т. под. именами. Такъ въ одной пѣснѣ (подъ № 30) поется:

„Въ плѣну прекрасный нашъ Ф(т.е. Феодоръ),
Онъ рода Божья Господинъ;
Онъ нашъ *Сіонъ*, краса народа“....

Въ другой (подъ № 96) поется такъ:

„Идетъ *солнце съ востока*,
Катитъ слово отъ пророка,